

*Необходимо всем писателям сплотиться вместе
и встать на защиту святой веры от врагов ея.*

И. С. Тургенев

На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней Лесков продолжал отстаивать литературное наследие своего великого земляка. Имя Тургенева не сходит со страниц беллетристики и публицистики, эпистолярного наследия и воспоминаний Лескова от истоков его творчества до того периода, который сын писателя Андрей Николаевич Лесков назвал «путём к маститости», «в зените чтимости и на закате дней».

Нередко в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные умонастроениям Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений. Например, лирическая медитация эпилога романа Тургенева «Дворянское гнездо»: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!» – звучит в поздних лесковских письмах, в рассказе «Колыванский муж» (1888).

В журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков опубликовал цикл статей «Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки» (1878). Характеристику событий, описанных в Деяниях, – «чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу»; «много чудес и знамений совершилось через Апостолов»; «Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса» (Деян. 2: 19, 43; 4: 30) – писатель наполнил актуальным смыслом, аналитически выявляя «болевые точки» современной России.

Одну из статей данного публицистического цикла Лесков посвятил Тургеневу в его юбилейный год – именно в тот переломный период, когда 60-летний писатель объявил о своём намерении прекратить литературную деятельность.

Вовсе не случайно для отклика на взбудоражившее общественность намерение Тургенева «положить перо» Лесков избирает страницы «Церковно-общественного вестника», в котором он много и плодотворно сотрудничал в 1870-е – 1880-е годы. Это издание привлекало писателя, горячо убеждённого в том, что в Евангелии сокрыт «глубочайший смысл жизни», стремлением к христианскому деланию, умением быть «беспристрастным», сохранить «в своём скромном положении всю свободу отношений к вопросам жизни нашего общества».

Редакция журнала в неподписной «Литературно-общественной заметке (По поводу прекращения литературной деятельности И.С. Тургенева)» (1878) высказывалась в защиту «ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева» незадолго до появления статьи Лескова, который продолжил поднятую тему «об этом же высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях «положить перо» и более за него не братья».

С лесковской точки зрения, заявленное Тургеневым намерение столь общечеловечески значимо, что произнесённый им «обет молчания» никак «нельзя пройти молчанием». Роль писателя в жизни и развитии России столь велика, что деятельность власть предержащих, сильных мира сего не идёт ни в какое сравнение: «его <Тургенева. – А. Н.-С.> решимость «положить перо» – это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку».

О напускной значительности высоких чиновных персон – важных с виду, а по сути никчёмных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «Колыбельной песни» (1845) Некрасова: «Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»), – Тургенев высказался в романе «Новь» (1876): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнутят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят и гнутят в одно и то же время».

Лесков подхватил и развил эту выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: «в его <Тургенева. – А. Н.-С.> последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, «хрипят», а по штатской – «гундосят». Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или «хрипеть», или «гундосить». В этом скука и несчастье России».

Поистине – универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой бюрократии. Лесков обнажает её низменные «зоологические» черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона».

Так писатель отводит своему старшему земляку первостепенное место не только в отечественной словесности, но и в общественной жизни России: «Иван Сергеевич – лицо слишком крупное среди всех наших величин. <...> На художественных образах Ивана Сергеевича совершался подъём нашего вкуса и чувства; он силою своего вдохновения раздул в наших сердцах божественную искру сострадания и участия к «крепостному человеку» – искру, обратившуюся в пламя». «Божественная искра», зажжённая Тургеневым, для Лескова-христианина не просто словесно-поэтический образ.

В тургеневских типах, по верному лесковскому суждению, выражена квинтэссенция социально-психологического состояния современной эпохи: «О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то *знакомое*, что об этом именно думали, говорили и художник в своём произведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно».

Вывод Лескова о громадной роли Тургенева в духовно-нравственной жизни страны: «Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России», – заострён против недостойных выходов тех, кем «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель».

Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподобляет, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост». «Осмеять можно всё, – замечает автор статьи, – как всё можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзиза было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Лесков горячо выступил в защиту «генерала от литературы» Тургенева – «слишком крупного среди всех наших величин» – от всякого рода «литературных <и не только литературных. –

А. Н.-С.> хамов». Травлю великого русского писателя устраивала не одна литературная критика. Подключились дворянство и бюрократия – в гнуснейших проявлениях чиновничьего чванства. Лесков изложил подлинные факты неуважительного отношения к Тургеневу даже со стороны его земляков – орловского дворянства и чиновной братии: «Какие хамы у нас в двор<яньских> собраниях и в думах: отчего ни Орёл, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью «Новостей», где литературный хам «отделал Фета». Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья! <...> Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента».

В тургеневском творчестве видел Лесков «торжество нации» на всемирном уровне: «это «мирное завоевание» в образованной среде дали России <...> мягкосердечный Тургенев и Лев Толстой <...> А что им за это дома? Шиш и презрение глупцов, презрения достойных». Невыдуманный лесковский «рассказ кстати» на эту тему, практически не известный широкому кругу читателей, заслуживает того, чтобы детально с ним познакомиться.

Лесков пишет: «И у меня есть пример, как относится к Тургеневу среда очень ему близкая, которая могла бы по преимуществу показать своё уважение к нашему писателю, – это его земляки в самом тесном смысле слова, – орловское просвещённое дворянство.

Несколько лет назад (когда уже Тургенева сильно порицали в литературе) я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства, и в одном разговоре о Тургеневе заметил:

– Чтобы хоть вам выразить своё сочувствие Ивану Сергеевичу, которым может гордиться ваша среда: хоть бы одну стипендию его имени учредили в своей гимназии да хороший портрет его повесили в читальной комнате дворянского собрания!

Брат улыбнулся и отвечал:

– К сожалению, это невозможно.

– А почему?

– А потому, что он у нас не пользуется большими симпатиями.

– За что же?

– Да так... Эти его «освободительные идеи», и прочее... Куда тут о нём заговаривать?

Так о нём и там, на стогнах града, который может гордиться честью его рождения, «неудобно заговаривать». Это уже совсем доля пророка, которому нет чести в отечестве своём.

<...> и вот после одной из самых недавних побывок Тургенева, один личард особых поручений <в значении – верный слуга, лакей, раболепный чиновник. – А. Н.-С.>, обращающийся при докладе у одного сановника, рассказал, как «они дали Тургеневу асаже», то есть пустили его, по его обер-офицерскому чину <низший офицерский чин от 14-го (последнего) до 9-го класса в «Табели о рангах». – А. Н.-С.>, самым последним. И этот господин, пожалуй, не лгал: теперь это вполне достаточно. По крайней мере, явные и тайные советники <тайный советник – гражданский чин 3-го класса в «Табели о рангах» – соответствовал высшим государственным должностям. – А.Н.-С.>, при коих мне довелось слышать рассказ об этом крупном событии, находили, что это так и следовало. «Прежде всего-де порядок».

Таким-то способом эти знаменитые люди и сподобились дать почувствовать европейски известному соотечественнику своё департаментское величие! И они рады, они хвастались, что нашлись, как отомстить Тургеневу».

По обыкновенному бюрократическому заведению канцелярское ничтожество устраивает свою гаденькую «месть» великому писателю за его талант и свою бездарность. «Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность всё будет ползти и всюду проползёт», – говорится в другой лесковской статье – «Заповедь Писемского» (1885).

Впрочем, уже весело замечает Лесков о Тургеневе, «Иван Сергеевич был отомщён каким-то отставным «корнетом Отлетаевым», который, не любя дожидаться, назвал себя самым большим советником и вошёл в рай первым».

Независимый в своей христианской позиции – вне партий и так называемых «направлений» – Лесков и в данном случае также выступил против «направленской лжи» и «узости». Он высоко ценит Тургенева за то, что писатель, верный правде художественного факта – «едва ли не самой важной правде», – не потакал «вкусам и наклонностям того или другого направления» – «направленской фантазмагии»: «изображённые им лица по преимуществу не отвечают требованиям направленной прямолинейности, которая желала бы видеть в Базарове или рыцаря без пятна и упрёка, или негодяя, тогда как он только то, что есть <...> Но художник был ни на той, ни на другой стороне. Он был просто на стороне правды». Точно так же сам

Тургенев в статье «По поводу «Отцов и детей»» (1869) формулировал своё писательское credo: «я прежде всего хотел быть искренним и правдивым». Писатель в полной мере сознаёт себя духовно и нравственно ответственным за каждое слово; в художественном изображении жизни стремится быть предельно объективным, безупречно честным, слушаться голоса совести: «совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнёсся к выведенному мною типу; я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душою в таком деле. Слово «уважать» даже тут не совсем у места; я просто иначе не мог и не умел работать».

Из-за чего же Тургенев решился «положить перо»? Лесков размышляет: «Из-за того, что с ним грубо обошлись? Это едва ли достойно его благородного характера и крупного дарования <...> у нас грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться. Но что же с этим делать? Неужто сейчас и бежать, надув губу, как барышня среднего круга, которая всем обижается? Это не лучшая черта в характере общественного человека».

Со всей прямоотой, свойственной его кипучей натуре, Лесков укоряет Тургенева за «едва ли зрело обдуманное и во всяком случае недостойное его решение не брать пера в руки». В то же время этот вынужденный «почтительный укор» высоко ценимому писателю продиктован «любовью и почтением» к нему. Однако по праву тех, «кто любят и ценят» Тургенева (Лесков, без сомнения, наделён всей полнотой этого права), он указывает на «недостаток мужества при некотором излишнем самолюбии, скрывающем от его <Тургенева. – А.Н.-С.> нынешней наблюдательности всегдашнюю, неизменную любовь к нему истинно образованных людей».

С законной гордостью говорит Лесков и о своём родном городе, подарившем мировой культуре знаменитого писателя-земляка: «в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славой во всём образованном мире». В то же время с болью признаёт Лесков горькую библейскую истину о судьбе пророка в своём отечестве: в России писатель с мировым именем должен разделить «долю пророка, которому нет чести в отечестве своём».

Автор «Чудес и знамений» для полноты картины приводит факты о том, как готовились поляки к общенационально-

му празднованию юбилея их романиста Крашевского, который, по мнению Лескова, «стоит чего-нибудь только за неимением лучшего на их полнейшем литературном безлюдье» и не достиг, «чтобы понести портфель за нашим европейски известным Тургеневым». С горечью и болью это сопоставление продолжено в бесподписной статье «Успех Крашевского» (1878): «Поздравляем господ поляков с умением уважать и ценить своих писателей и не без любопытства ждём: чем они ещё искусятся пристыдить нас за наше жестокое обращение со своими замечательными людьми».

Писатель считает, что из-за «подобных противных пустяков» нельзя отворачиваться от русской жизни «лучшим людям, чтобы не предать в ней всё целиком людям худшим». Лесков убеждён, что в принятии ответственных решений выдающимся писателем должны руководить не «обидчивость», не излишнее «самолюбие» и не упадок мужества в окружении стана «злосудных» врагов-злопыхателей (к слову, собственную литературную судьбу Лесков не раз обозначал поэтическими строками: «Здесь человека берегут, / Как на турецкой перестрелке»), а только любовь – к Родине и её людям, кому необходим честный и чистый голос великого русского художника слова.

Лесков напоминает о заветах евангельской любви и прямо Тургеневу адресует апостольские слова, выделенные в статье цикла «Чудеса и знамения» курсивом: «*любовь <...> никогда не перестаёт*», – стремясь побудить писателя отказаться от решения перестать творить: «Любовь долготерпит, милосердствует, не гордится, не раздражается – всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит и никогда не перестаёт, хотя и языки умолкнут и знание упразднится».

Проводя сопоставление писательских воззрений своих крупнейших современников – Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, – которых русская общественность одинаково нарекла «великими учителями», Лесков в статье «О куфельном мужике и проч.» (1886) определил тургеневскую литературную позицию как гуманистическую: «Достоевский был православист, Тургенев – гуманист, Л. Толстой – моралист и христианин-практик. Которому же из этих направлений наших трёх учителей мы более научаемся и которому последуем?»

Собственные мировоззренческие установки и идейно-художественные искания Лескова – самобытнейшего писателя русского – в этот контекст не укладываются. Так, они не исчерпываются понятием «гуманизм», поскольку оно, по верному замечанию Д. С. Лихачёва, не передаёт «всей гаммы сочувствия и

любви», которая свойственна творчеству Лескова. Его художественный мир одухотворяется идеей христианского подвижничества, праведничества.

Замечательные образы праведников оживали и в тургеневском творчестве (например, Лукерья – героиня рассказа «Живые мощи» (1874) – напоминает сострадательно-одухотворённые женские лики русских икон).

Полузабытая лесковская статья «Пустозвон Питча о Тургеневе» (1884) важна тем, что была направлена на защиту Тургенева от неосновательных нападков газеты А. С. Суворина «Новое время». Писатель обратился с письмом к своему «коварному, но милому благодприятелю» (как он называл Суворина) по поводу своей полемики с редакцией «Нового времени» о Тургеневе. Лесков указал, что не может оставлять без внимания и не замечать невежественных попыток превратного толкования дорогого для него тургеневского творчества: «есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу <...> Тем, кого это досадует, – лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее».

В статье «Писательская кабала» (1894) Лесков уже на закате дней с характерных для него литературно-общественных позиций продолжает отстаивать тургеневское художественное наследие.

Эта поздняя статья перекликается с дебютной публикацией Лескова, обозначенной постановкой духовной христианской темы. Первым печатным лесковским произведением явилась статья о распространении Евангелия на русском языке <«О продаже в Киеве Евангелия»> (1860). Вступивший на литературное поприще молодой автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не всем. С самого начала творческого пути писатель определился в своих созидательных установках. Первая его корреспонденция явилась «духовным компасом», указавшим автору магистральное направление всего его творчества: «случайно или умышленно, – отмечал биограф П. В. Быков (Н.С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация. – 1890.), – но Лесков словно наметил в ней <заметке – А. Н.-С.> программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдою, с невежеством, со всеми тёмными сторонами жизни, на горячую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного» .

Поднятая в крохотной заметке проблема оказалась столь животрепещущей, что получила большой общественный резонанс. Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той давней публикации отмечалась даже и тридцать лет спустя. В 1890 году «Новое время» указало на первую лесковскую «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продаётся по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия».

Лесков отметил как «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведённую «на понятный нам язык». В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы.

В дописательские годы сам Лесков занимался делами коммерческой фирмы и хорошо знал экономические законы. Однако в данном случае автор «Корреспонденции (Письма г. Лескова)» (1860) справедливо требует отличать в книжной торговле «дело Божеское» от спекулятивно-коммерческого: «как же книгу, назначенную собственно для общего употребления всех и каждого, сделать такую недобросовестною спекуляциею?» Автор заметки особенно огорчён тем, что переведённое на русский язык Евангелие, ставшее доступным для понимания простых людей, не попадёт в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомалец» «принуждён отказать себе в приобретении Евангелия, недоступного для него по цене».

Как и в дебютной своей публикации, в которой начинающий автор выступил против беззастенчивых спекуляций с Евангелием, Лесков в статье «Писательская кабала», написанной за год до смерти, снова возвышает свой голос в защиту духовности, поднимая важную социально-нравственную проблему, которая имеет также правовой, юридический аспект.

Речь идёт об авторском праве, а также о проблеме книгоиздательства, о распространении и доступности для самой широкой читательской аудитории доброкачественной духовной пищи из сокровищницы русской литературы – имя Тургенева и его произведения поставлены здесь на первое место.

Поводом для написания статьи послужило второе издание в серии «Доступная библиотека» И. И. Глазунова тургеневских

рассказов «Живые мощи» и «Муму». «Г-н И. Глазунов начал издавать «Доступную библиотеку». <...> В чём же именно заключается, по его мнению, эта «доступность»? – задаётся вопросом Лесков. – Как обладатель прав на издание сочинений И. С. Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надоумился выпускать дешёвыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из «Записок охотника». Изданные хотя и неопрятно, плохо отпечатанные, непрочно сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их «доступными»: он печатает их так же неопрятно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом – рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей «доступности» назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней...»

Лескова возмущает аляповатость издания тургеневских рассказов, в котором форма не отвечает внутреннему эстетическому содержанию гармоничного творчества Тургенева, – а также спекулятивная цена, назначаемая за вульгарно изданную книгу великого писателя и делающая таким образом чтение его произведений недоступным для народа.

Поднимая юридические вопросы об авторском праве, создатель статьи «Писательская кабала» горячо протестует против закона о сохранении прав литературной собственности за издателем в течение 50 лет после кончины писателя. Столь долгое монопольное владение крупных книгоиздателей – «торгашей», «людей наживы и спекуляции» – литературными правами умерших и живущих писателей не может не препятствовать, по справедливому мнению Лескова, распространению творческого наследия великих художников слова для самых широких слоев читателей: «желая набрать по несколько лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его ещё 39 лет, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечёт 50 лет со времени кончины писателя».

Статья Лескова, хорошо знавшего книжное дело в России, подводит невесёлые итоги: «В том-то вся беда и заключается, что почти всё издательское дело находится в руках людей на-

живы и спекуляции. <...> всё это <...> спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в неё с улицы. И те и другие губят писателя. А умрёт он – начинают жать соки из его сочинений, кабалить и тормозить их и уверяют, будто создают «доступные библиотеки».

Речь идёт об особом духовно-аналитическом подходе к оцениваемым событиям общественной и литературной жизни, что позволяет писателю совместить долнее и горнее, тленное и нетленное, мимолётное и непреходящее, вечное.

Лесков горячо защищал дорогое для него имя Тургенева от бессовестных спекуляций, ратовал за подлинную, а не показную доступность его произведений для самого широкого круга читателей, за необходимость истинного постижения тургеневского творчества, исполненного любви и света, который «и во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5).